

Борис ЩЕРБАКОВ

Борис Васильевич ЩЕРБАКОВ родился в 1939 г. в Усть-Каменогорске. Окончив среднюю школу, курсы торгового оборудования в г. Харьков, работал электриком, механиком. С 1963 года поступил на заочное отделение Усть-Каменогорского пединститута. Почти 40 лет работал на станции юннатов, совмещая педагогическую, методическую деятельность с научной, журналистской и занимаясь пропагандой экологических знаний в СМИ.

В 1975 г. – аспирант – заочник АН Каз ССР отделения “Орнитология”. Имеет около 100 научных публикаций по зоологии, экологии, педагогике. Многие годы печатал заметки натуралиста, рассказы в областных, республиканских, союзных газетах, журналах, сборниках. Более 20 лет вел телепередачи о природе области. В 1985 г. защитил кандидатскую диссертацию в Москве и был принят в Союз писателей СССР. В настоящее время член СП РК и председатель ВК отделения СП РК. Автор более 10 художественных и научно – популярных книг, методических пособий... Почетный гражданин городов Усть-Каменогорска и Хошимина (Вьетнам).

МАТЕРИКОВЫЙ АЗИАТ

Лицом, конечно, не вышел, но по духу, привычкам и образу мысли – я типичный, коренной азиат. Как мне представляется, Европа слишком цивилизна, “нездорово” – культурная, развращенная шиком, погрязшая в излишестве удобств и роскоши. И есть в ее достоинствах и постижениях, как показала жизнь, своя болезнь, – чем больше шика, тем сильнее умножается зависимость человека, остается меньше простора для души и чистой простоты. Запад для каждого натуралиста – естественника, к ним отношу и себя, мало привлекательный. Какого «дикаря – романтика» взволнуют “причесанные” поля, “подстриженные” леса и эффектно обустроенный, культурный ландшафт, поливаемый машинами чаще, чем тучами с западного океана. И вовсе не при чем здесь крыловская басня с лисой и “зеленым” виноградом. Нет, не зовет Европа коренного азиата. Не намерен он менять тепло и дым родных очагов на мертвые огни неоновых ламп современных супергородов. Не трогает, не греет его асфальтовая чистота прямых и холодных автомагистралей, стремительный бег электричек, удобство лифтов и лаковый блеск роскошных автомобилей.

Не знаю даже почему, не объяснимо, но по душе старая, пусть не совсем обустроенная, и, чего греха таить, еще неряшливая Азия – Великая, Могучая Азия. С волнением воспринимаю масштабность материка, одаренного поразительной красотой природных зон, раскинувшихся от северных широт до тропических. Восхищаюсь мощью ее поднебесных хребтов, образующих планетарный пояс между океанами Запада и Востока.

Достаточно только взглянуть на карту, чтобы увидеть великий простор ее и божественные картины с ковровым орнаментом контрастных и поразительно красивых ландшафтов, стартующих от приполярной тундры, через леса и степи, болота и пустыни, до дождевых лесов Индокитая, Индии, до солнечного Средиземноморья. И я, по – своему, благодарю судьбу за то, что родился не где – то в “рыжей”

Африке, в зеленых дебрях или пампасах Нового Света, в далекой и благодать Австралии, а в части света, где все есть! Все грандиознее, все естественнее...

На азиатском континенте тысячелетиями ковались и зрели великие культуры великих народов, и, пройдя сквозь жернова истории, они сохранились, устояли - наидревнейшие из всех времен и народов. Наперекор, словно в стремительных переменах "вчерашнего" тысячелетия, они, по - прежнему, продолжают в новом, теперь уже третьем. Нет на земле другого места, как в Азии, где б в орбите великой событийности, демографических и естественно - исторических перемен, таким многоликим было зарождение и развитие общественно- исторических формаций, языков и религий. И мы, ныне живущие в Азии, представляем уже свой, особый генетический материал, сотканный из крови и плоти наших предков, означенных общей судьбой и историей. И потому, порой, трудно сказать - кто мы? Европейцы? Азиаты? или еще кто - то? Все это, нас - жителей разных стран, связывает и крепко-накрепко объединяет в деловом партнерстве и сотрудничестве, в духовном единстве. И это при всем том, что различия между разными народами кажутся не совместимыми. Мы - азиаты, горды такой дружбой.

Да, мы - разные, но мы любим друг друга, уже только за то, что все мы - дети великого "острова" планеты "Вода", по ошибке названной Землей. Прав Тургенев, сказавший сокраментальную фразу, что, если каждого русского хорошенько поскрести, найдешь в нем обязательно татарина. Добавлю - азиата уж точно.

Азию люблю не только за то, что родился и вырос под ее небом, но и за то, что многие годы, связанные с постоянными поездками, встречами и расставанием, с чем приходится дело иметь, когда позади остается много дорог, рассказали об этом мне сами. И, прислушавшись к голосу сердца, пересмотрев, перепроверив себя, убедился в любви своей окончательно. В том, видимо, и кроется причина, что время от времени просыпается во мне ностальгическая страсть и вскипает кровь кондового, материкового не то кочевника, не то путешественника, зовущая в дальние дали, и хочется тогда снова пережить все прелести и трудности нехоженных еще азиатских дорог.

Как всякий сын восточного полушария, впитал многое я от Земли, укрытой пологом лесов и степей от Урала до Великого Океан - Востока, от северных льдов до берегов Индии, где, не зная оседлости и мира, издревле буйствовали кочевники, веками, в кругу походов и сражений, поражений и завоеваний зрела азиатская самобытность, с великими зодчими и поэтами, с наукой и философией, великим искусством, экзотическими нравами и законами, по которым жили и развивались народы великого континента.

Гражданин степей

На диких, степных просторах Азии, где веками бродили несметные стада сайгаков, диких лошадей, куланов и верблюдов, а миллионы птиц, оставляя Север, совершали сезонные переселения в сторону Юга, где воля и ветер - понятия едины. Здесь, на этой земле, от давнего предка унаследовал я русский дух и страсть к бродяжничеству, стремление к далеким горизонтам выжженных степей. И потому, предполагаю, живет все еще так сильно во мне память - о пыльных, не тронутых колесами дорогах прошлого, о восточных базарах, тесных улочках, глинобитных-мазанках и шалашах, о захолустных селениях, заимках, аулах, деревеньках, будто сам когда - то, проходил долгими дорогами Великого Шелкового пути. Поэтому, может быть, волнуют так сильно лиловые закаты, силуэты курганов, скованных вековым сном, и ковыльные дали. Случается, что, пребывая в неоглядной степи, где, сколько б не шел, а картина не меняется, с упоением слушаю посвисты степного чивника и ропот взволнованный погодой травы, рассказывающих о прошлом этой земли.

Многоцветно ожерелье степей великого континента: Степи Таврические, степи Донские, Кубанские и Приволжские, и Оренбуржские. За Уралом - Тургайск

кие, Алтайские, Тувинские пошли, и, конечно, наши - Казахстанские. Степь для человека - Мать и кормилица, взрастившая кочевника и воина, приобщившая сынов своих к труду землепашца, животновода... Только она сумела вдохнуть в каждого дух неистребимой свободы и любовь к песне. Была и останется она юдолью цивилизации человечества.

Просторы ее всегда сквозные и прозрачны, открыты ветрам на все стороны света. Дороги ее смело уводят в призрачность затканых дымкой расстояний, где в единстве небес и земли рождаются романтические горизонты.

У каждого из нас степь своя. Свои у нас представления о ней, воспоминания. Но все одинаково едины в ожидании встречи дымящего очага у утлого жилища степняка, всадника, отдыхающего у родника. Впечатляют с одинаковой силой каждого путника круговые "вирши" парящего в небе орла и трубные крики гусиных перелетов. Кто знает, тот скажет, как сладок воздух ее в пору весны, когда позванивают на ветру степные колокольчики тюльпанов, тот скажет о роскоши темно синего бархата ночного неба, и о том ощущении, когда в самое сердце тебе глядят льдистые звезды джайляу.

Представить нельзя казахских степей без озер, блистающих в шорохе береговых тростников. Озеро позади..., но долго перед глазами живет картина мгновения взлета озерных гусей, роняющих с клюва и лап хрусталь солоноватых вод. Нет степи без криков журавлей - красавок, бредущих в шелку ее ковылей.

С сыновей любовью принимаю ее - унылую и опаленную, зовущую синеокой далью, с холмами и горюшками, умирающими рано эфемерными травами, укрытую, словно старой, верблюжьей кошмой -порыжевшими травами.

В степи, как в море, - мыслям простор и вольному - воля. В этом причина, что просыпается в ее владениях в каждом тяга на удаль, на песню и хочется, закусив удила, мчаться и лететь быстрее ветра и мысли.

Такое, как в степи, только в пустыне случается, - как хорошей новости радуешься встрече приречных лугов, островным перелескам, когда на сотни верст только убийственное солнце и скучная мелодия ветра. Но там где вода, есть тень и прохлада - бочажки с порхающими сонно стрекозами, береговые осоки, да тальнички. Но дороги зовут, и снова ты, будто в заплыве, оказываешься во власти жавороночьи шири, лишенной высокомерия гор и мрачной сокрытости леса.

Степь всегда светла и приветлива, но всегда чуть грустна и печальна. Есть в ней то, что тревожит, наводит на мысли - дыхание ветра, цокот копыт, вековые напевы, перелитые в старинные песни - "Каратургай", "Ямщик"... Песни степей, как сестры родные - с привкусом боли и удалы. Протяжные они и раздольные, но есть с характером взрывным и горячим, и, как птицы, они быстры, сладки, как мед и горьки, как полынь. Повествуют они о боевых сражениях, о лихих скакунах, любви и разлуке, о преданности родной стороне. И, что ни песня, - то ястреб, орел в поднебесье или исповедь далекой звезды.

Особенность есть у наших степей: куда б не пошел, не поехал, всюду ширь. В типчаковых разливах видны горбатые силуэты сине - далеких гор - на юге, на севере и на востоке. Но даже там, где кончается проза равнин и буйным припевом вздымаются горы, где резвятся поэтичной строкой громогласные речки, степь там не кончается: стремительной птицей взлетает на горные кручи, по откосам она горным архаром бросается вниз или мягко, по-лисьи, как тень, сбегает в долины, или же беглою пленницей крадется и прячется меж скалистых гор Казахского мелкосопочника.

Удивительный, свой сказ на художественных полотнах степных азиатского сюжета: лето в разгаре, а травы уже померкли, зачахли в позолоте и бледности ранней. И всюду, куда не помотришь, - по холмам и долинам, у речек и родников, у горных подножий бурным цветом кипит карагана, миндаль, медоносное разнотравье, и тут же, рядом, по голым пригоркам, свернувшись ежами, порыжевшие дремлют шары перекати - поля, кустистые ферулы, красно-бордовые солянки. Нет меры и формулы, чтобы измерить ее простор. Ширь ее, кажется, разлилась по всему белому свету. И нет, будто бы, на планете лесов и морей, нет снегов и пустынь, только степь нео-

глядная, азиатская без конца и начала. И так кажется сколько б не шел, сколько б не ехал. Но вдруг снова застрявшей стрекозой в белогривых ковылях, сверкнет озерко, как зеркальное чудо...

... Дороги и ширь... Как не смотреть на плывущий ее простор из вагонного окна, стучащего на рельсах поезда. Как не следить за ней сквозь дорожную пыль автомобиля, когда широко и вольно течет и кружит она сказочная, материковая и великая, все еще безлюдная, древняя...

Как не удивляться, если в тишине и зное ее взорвется вдруг стремительный вихрь: закружит, затанцует, и, не спеша, одиноко и гордо упылит своею дорогой. Незабываемо впечатление, когда степь качается и плывет под тобой, словно ты не в седле, а на зыбкой волне, и лошадка твоя не спешит...

Дорога, дорога... - и всюду прошлое: молча и одиноко с печальными зрачками тенистых дыр, проходят мимо развалины кибиток, старые склепы, мазары, кумбезы, с вопросительными силуэтами сидящих на них орлов и курганников, уставших от неба, от солнца. Но внезапно взгляд прикипает, останавливается, когда заметишь вдруг на широкой долине горошину. Камень, палатка? Но, приближаясь, видишь, как постепенно горошина перерастет сначала в белый степной гриб, а потом уж превращается в войлочную юрту.

Каждый знает, - по законам Великой степи, в юрте примут тебя, как самого желанного гостя, без снобизма и лицемерия: будет теплое, традиционное рукопожатие, приглашение за низенький стол с удивительно душистым, достойным лучшей поэмы Востока, чаем по-казахски, с запашистыми россыпями золотистых баурсаков и прочей чабанской снедью. И каждый оценит, что самый лучший достархан в мире, пусть не богатый, но зато самый щедрый и самый сердечный, - здесь, в степной юрте, а ни где-нибудь в застольях дворцов и на пышных приемах. Будет неторопливый разговор о жизни, о детях, о том, как перезимовал скот, и, конечно, - как жизнь пойдет дальше...

- Давай еще на дорожку, - скажет хозяин. И попробуй, откажись... Упрекнет: "Сам пил, надо теперь за сына. За сына пил, давай за дочь, за байбиче тоже надо, нехорошо, если не будешь пить за нее..."

И снова, откинувшись на подушки, ведешь разговор о жизни, - о том, как все пойдет дальше... Снова и снова из заварного чайника, с пыхтящего самовара, смуглая рука хозяйки подливает шоколадного и душистого чая в кассе, подает молча, приглашая глазами. Одной похвалой, словом высоким не передать всей прелести чая по-казахски! Пьешь - не напьешься... Спрашиваешь о жизни чабанской. Сам отвечаешь - кто ты и зачем здесь? Да краем глаза ловишь в дверь, которую заменяет кошма, теперь она откинута и видишь, как низко над землей, оглушенной звоном кобылок, лениво взмахивая, пролетают седокрылые луны, едва не касаясь крыльями серебристого, ковыльного шелка.

Но всему время: следует прощальное, сердечное рукопожатие, ... дорога..., и, кошмяной гриб юрты вновь уже белеет слезинкой на выжженной солнцем, желтой щеке азиатской степи. Здесь все дороги зовут в безвременье. И нет силы такой, чтобы побороть волю их. И снова, как в гипнотическом сне, идешь мимо спящих, смуглых от загара скал, по степи, с особым ее характером, дивной красотой, под мелодию хмельных ветров с горьковатым, травяным перегаром...

- Ну, что она, - задумаешься порой, - голая, однообразная, меланхолическая? И от того, видимо, мысли здесь ленивы и вялы, и все они о чем - то безвозвратно утраченном, давнем и забытом... Но не всегда так думается одинокому путнику. Широта и бескрайность, напротив, бывает, разгоняют и горячат и мысли, и сердце. И тогда так хочется обрести крылья, стать скакуном, облаком, вихрем... И вот уже из груди на простор рвется и просится песня. Без слов она, да и не так уж важно, что без слов, - обо всем расскажет мелодия. Все до капли передаст она, - ликует или страдает душа, или расскажет о том, как жизнь прекрасна и что есть на свете великое, присущее человеку чувство - как любовь...

В наше время, как и в далеком прошлом, степь не позабыла еще стародревнего языка, - перестук копыт, скрип колес, гортанный оклик чабана, ржание коней... И все еще в розовых восходах, как и тысячи лет назад, поет над ней гордо и громко поднебесный джурбай – жаворонок казахских степей. Степь проста и доступна каждому, кто ее полюбил. Тому она щедро откроет тайны свои, и в каждом жилище обретет он новых себе друзей. И тогда Великая Азиатская степь, - от Каспия на западе, до Зайсан – озера на востоке, станет родной и близкой.

В сердце Азии

Трудно передать ощущение, условной значимости, когда находишься на самом полюсе континента, - в его сердцевине, где сошлись и пересеклись «главная» широта с «главной» долготой – в самом сердце Евразии. И представить трудно, что на все стороны света, от белого обелиска символизирующего центр, находятся на равном удалении берега морей – океанов. Но факт остается фактом, - есть такая точка и находится она у нас, у старого Семипалатинска, где формировался духовный стержень нашей республики. Место это, сравнить можно, разве что, с Полярной звездой, вокруг которой “вращается” видимый нами звездный мир ночей северного полушария. Точка - центр у древнего города, среди сухой, неприглядной степи. В краю, где в прошлом веке ее многострадальную разбудил рокот ядерного полигона прервавший нить тишины и забвения. И был миг, когда остановилась, замерла, подстреленной на лету птицей, песнь степняка и эхо безумства горьким вздохом отозвалось в сердце старой домбры. Так заявил о себе век XX там, где судьбоносной нитью проходил Великий Шелковый путь, над которым, зеркальным отражением стоит, блистая мириадами звезд, - Дорога Богов или Великий Млечный путь. Отсюда, вроде бы, до звездной дороги – куда ближе, чем до синих полотен дальних морей. Вот тогда и осознаешь, особую исключительность и значимость земли обелиска. Можешь смело сравнить присутствие свое в сердце Азии с восхождением на гималайскую Джомолунгму или в африканские – “Снега Килиманджаро”. И в этом, по всей вероятности, есть свой, определенный смысл, предначертание, открывшее тайну величия центростремительной силы степи, сумевшей разбудить философскую поэтику, силу художественного слова в сердцах Гоголя и Абая, Чехова и Тараса Шевченко, Шакарима, Паустовского и Мухтара Ауэзова, Валериана Правдухина и Оралхана Бокеева...

Познать степь до конца невозможно. Каждый раз она предстает обновленной, удивляя и зажигая страсть ее постижения. И потому каждый раз я до боли вглядываюсь в ее колдующую, бесконечную даль. И кажется, порой, что вдруг она - поднимается, сама над собой, тает, перелившись в лазурную бездну, и видишь, как сопки, воспарив над ней, становятся облаками. Тогда и сам, будто обретаешь невесомость, устремляешься ввысь, становишься орлом, и видишь ее сверху уже глазами божественной птицы. Степь смотрит на тебя теперь, как в зеркало времени...

Иногда просыпается в ней что – то от женщины - доброта и приветливость. И потом уж провожает она путника долгим взглядом вдовы оставленной, - тоскливо, с укором и упреком. Надолго, навсегда держит собственная память печаль ее глаз. И спустя долгие-долгие годы, воспоминания эти тревожат и зовут в ее просторы, - на новое свидание. Не случайно, так много прекрасных и душевных слов, поэтических строк занесено в дневники и творения первопроходцев, путешественников и художников, посвященных степи. О ней повествуют историки и акыны. Искристыми фразами воспета она поэтами Востока, и другими замечательными сынами человечества, чьи сердца навечно остались в плену ее тревожного, материнского взгляда.

Такова формула моей привязанности, - маленького человека, - к степи, как к самой замечательной стране на свете. Серое полотно ощущений моих и пережива-

ний, сотканное из скучных слов, - искренняя проза моих сердечных признаний к Великой Азии. Я бесспорно счастлив и богат уже тем, что имею право на живое воспоминание и, значит, на новое свидание с ее просторами: достаточно только прикрыть глаза, чтобы увидеть далекие, степные горизонты в дымке расстояний, где угадываются синие, романтические силуэты - Золотых гор Алтая, громадного Тарбагатая, каменистой россыпи гор Чингис - Тау и величие могучего Тянь - Шаня, также скалистый хаос причудливых хребтов Большого и Малого Архата. Горы эти всегда на страже, - свято берегут они сердце Великой Азии, воспетой народами всех времен.

Песнь о звездных батырах

Тяжело отходила степь от долгого, зимнего сна. На потревоженной первым теплом груди ее, желтели приморенные стужей, пожелтые, сырые дали. Просыпаясь, степь уже смотрела в солнечную просинь первыми, заждавшимися весны подснежниками. По ложбинам, в тени камней и скал белел еще очерстневший, зернистый снег. Как ведется, первыми просыпаются небеса: с высоты их уже звенели вечные гимны, во славу Великой степи, вернувшихся с зимовий бесчисленных жаворонков.

Солнце с каждым часом и днем крепчало и надо ждать было ледохода. Ушли уже на летние пастбища, - на первый выгул, отары. Стоял безмятежный, утопающий в потоках тепла и неги полдень.

Старый чабан сполз с лошади, прилег на просохшем солнцепеке каменистой сопки, по которой одуванчиками рассыпалась отара. Около, на сером камне, Касымхан поставил свой давний, транзисторный приемник, нажал регистр. Сквозь шипение и треск полилась свободная музыка степей. Лошадь, фыркающая и вздрагивая кожей, ходила, с опущенными поводьями под старым, потертым седлом, с притороченным сбоку сырмаком. Она выбирала пучки сырой, прошлогодней травы, громко хрумкая жесткими стеблями. Свернувшись в рыжий калач, тут же дремал, уставший за день, разморенный теплом корноухий пес. Касымхан, положив на колени камчу, прикрыл утомленные глаза. Дремал или нет старый чабан, - трудно сказать. Всю свою долгую, нелегкую жизнь - в полглаза, в пол уха проходил сон его... Всегда на чеку: чтобы отара не разбрелась, как бы молодяк не отбил, да волк не порвал бы, не порезал бы... Что день, что ночь - все одинаково: ухо степняка привычно и чутко ловило каждый шорох и звук.

- Каскыр ушел ближе к горам, где будет его логово, где больше сурка, где сайга держится. Стало спокойнее, надежнее - перестал серый кружить у гуртов и отар. Старый Касым может теперь позволить себе и отдохнуть, - сказал он себе.

Шипяло, с присвистом, приемник, по-прежнему, заливался переборами домбры и Касымхан сильнее все погружался в приятную, дремотную лень. Но, что это? Музыка вдруг оборвалась, однако, "транзистор" продолжал шипеть и потрескивать. Не обратил бы внимания чабан на погрешности горе - техники, но шипение внезапно сменил голос: - "Внимание! Внимание! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза...". Сердце чабана тревожно застучало. Он хорошо запомнил, тот день и час сорок первого, когда вот также строго Левитан, таким же сочным голосом объявил о нападении немецких захватчиков на Советский Союз. Будто ток пробежал по старому телу чабана. Сонливости как не было. Он сел, по привычке, сжал рукоять камчи и нервно хлестнул по голенищу.

- "Сегодня, - продолжал диктор, - с территории нашей страны, - космодрома Байконур стартовал космический корабль с первым космонавтом на борту... **ВПЕРВЫЕ В МИРЕ ЧЕЛОВЕК В КОСМОСЕ!**". Эхом прогремели эти слова в безлюдной степи.

- Что это? - Растревожилось сердце старого Касымхана. - Слава Аллаху, не война...

А приемник, все также, свистя и щелкая, назвал имя первого космонавта – летчика – Юрия Гагарина. Назвал первого тоже конструктора Королева... И снова торжественная музыка и торжественный, пугающий голос Левитана.

– Что-то же будет? – думал Касымхан, – если человек к звездам, к самому Аллаху полетел. Пожалуй, и не к добру все это. Жаль, поговорить не с кем – правда это или нет? И что потом, если человек улетел в этот самый Космос – на небо...? Байбиче моя тоже толком ничего в этом не понимает. Вот хорошо бы сыновья приехали на кыстау, они грамотные, все знают...

Теперь Касымхан специально настраивался на волну Москвы и слушал о “...величайшем достижении советской науки – человек в космосе!”.

– Неужели правда? Как так можно к звездам...? Из нашей степи и сразу туда...- Сказка?!

Откуда знать было простому человеку, прожившему всю жизнь в Великой степи, здесь, недалеко от Байконура, как сполна осознать, что впервые в истории человечества совершен гигантский, научный прыжок в Мироздание.

Недоумение и сомнения старого чабана сменялись гордостью за свою страну, за умных ученых, за самого Юрия Гагарина...

– Нет, не зря мы насмерть стояли под Сталинградом, не даром шли до самого Берлина... Мир станет другим, когда узнают люди – кто там на небесах? Дети и внуки все потом узнают, как живут звезды, кто там есть и что такое этот самый Космос, который покорила летчик – Гагарин...

И разве мог в тот год знать старый Касымхан, что через каких – то двадцать – тридцать лет, в этот самый Космос полетит и сын Казахской степи Талгат Мусабав. О, если б он услышал об этом от кого – то раньше, никогда не поверил бы. Камчой бы болтуна отхлестал, чтобы говорил, да знал что. Так поступили бы деды и прадеды. Не поверили бы в лживые слова. Степь не любит хвастливых.

Теперь каждую ночь с особым настроением и вниманием он всматривался в темное небо, в этот самый Космос. Однако, как и прежде, безмятежно пылала так знакомые степному человеку звезды. Также торжественно над землей проплывала Луна и все также всходило и закатывалось солнце. Ничего в мире не изменилось.

– Может так, болтают? – ломал голову старый чабан. – Может Все придумали, эти, которые на радио. Мало ли чего..., но к звездам... – мучился Касымхан. – Кто знает, как все на самом – то деле? Нам простым людям не всегда дано знать все. Надо бы в город, к сыновьям, послушать, что там говорят люди. Они – то уж лучше знают, что и как... Узун – кулак надежнее, все точно и про всех знает. Правду только люди скажут. А радио есть радио. Голову нам морочат со своим Космосом. Человек и вдруг к звездам...

Многое изменилось с этого дня в душе Касымхана. Овцы – овцами, и прочие заботы степного бытия не прибавились и не убавились от того, что Гагарин побывал самый первый на небесах. А степь с каждым днем, расцветала, молодела на глазах. Смотрел Касымхан, на то как быстро растет ферула, как оживает по каменистым местам кызылча, а мысли его все о человеке, что побывал за пределами земной жизни.

Степь смотрела в голубую даль уже новыми, желтыми, красными, голубыми и белоснежными глазами обильно цветущих тюльпанов. Отошли на окот сайгаки. Первые сурчата вот-вот норы оставят. Дух полыни покрепчал, близилось время сакмана.

– Надо бы съездить в город. Узнать надо, – правду ли брешет радио?

В одну из ночей, когда звезды, склонившись над Великой степью, над юртой, посмеиваясь, перемигивались холодными, слюдяными глазками, поглядывая на Касымхана сквозь приоткрытый шанырак. Старый чабан, включил свой “транзистор”.

– Быть такого не может, чтобы человек и, – терзался аксакал.

– Да еще от нашей степи. С гор – может быть, с джайляу. Оттуда ближе. А с

нашего Байконура...? Степь, Аллах для тулпаров создал, для овец, удалой байги, орлов и сайги, для беркутчи и простых как я чабанов. Была и останется она домом родным для таких, как мы. Но не для человека она, который к звездам взлетел. Такого еще не было.

Беспокойные мысли громоздились как грозовые тучи. А в приемнике, на этот раз без трескотни и шипения звучали красивые слова:

.....
Реки вспаивают поля,
Города над рекой –
В заре.
И, как сердце летит земля,
Перевитая жилами рек.

Поэт читал с особым вдохновением. Голос чистый и звучный. Будто, он обращался прямо к простым людям, к таким как чабан Касымхан:

Небо весело манит,
Свой первобытный взгляд,
Звезды лохматые злобно
Над головой горят.
Луны глядят,
Как бешено
Вертится шар земной.
Брось,
Не молись, прадед,
Широкоплечий мой.

Молодой голос поэта, как показалось чабану, очень знаком. Касымхан слушал звучащие как струны кобыза стихи, чувствовал, как мурашки бегают по его старой коже. Словно это были не стихи, а высокая, небесная молитва, которую творил сам пророк.

– Кто же это, – ломал голову чабан. – Кто? Так красиво может говорить только человек из степи нашей.

Славилась степь казахская издревле своими акынами и жырау.

– О! Да, как же я так? Старый! Совсем из ума выжил. Самого Олжаса не узнал. Нашего Олжаса! – упрекал себя Касымхан.

Олжас ровно и четко, словно на войне, словно приказывал:

Я создал эти реки
И ветер швырнул в моря,
Ты, земля,
Поклонись Человеку,
Твой бог -Я.

Слова «Земля поклонись человеку!» – Застряли в голове Касымхана.

– Получается, человечество приказывает ей – земле, голосом Олжаса Сулейменова. Это же про батыра он, которого Гагариным зовут, про Великий Космос, про нашу Землю, про нашу такую же Великую степь, где стоит Байконур! Про всех нас советских людей... Олжас знает что говорит, он не соврет. Ему верю. Наш человек. Не заведено у нас говорить неправду, когда до серьезного доходит...

Рассуждал старый Касымхан в своей юрте под большими, степными заездами:

– Если сам Олжас говорит, значит правда. Полетел, полетел Человек с земли в этот самый “Великий Космос!”

“Транзистор” четко продолжал творить высокую молитву, жестокого двадцатого века. Он воспевал достижение советского человека. И понял, старый Касымхан, которого трудно было удивить чем-либо, что на земле сразу родилось два легендарных батыра. И теперь, со звездным батыром Гагариным, где-то в далеких небесах, над землей летает, благославляя родную землю, степь, – великими словами на которые способен только звездный человека, – Сулейменов Олжас.

Космонавт и поэт – два великих батыра! – Сказал себе Касымхан.

Над планетой бушевала весна. Разбуженный мир, словно после вековой спячки, торжественно рукоплескал величайшему событию :

Важно то -

Что мы все

Перед подвигом этим

Равны,

Важно то –

Что все страны

Нам искренно

Руку пожали.

Левитан вещал, что “Дорога в Космос открыта!...”. Снова и снова говорила Москва его голосом. И Олжас повторял это только стихами.

– Теперь можно и не ездить в город, если об этом сказал сам Олжас. Весь мир знает теперь, что из наших степей поднялся с “человеком на борту космический корабль” Что же дальше будет?...

Да! Был такой день в истории человечества на планете Земля, на континенте – Азия. И он навсегда останется в памяти старшего поколения. Мир назовет его как “ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ!” – 12 апреля 1961 года.

Степь, как и прежде, благоухала. Как всегда пели древние гимны жаворонки над степью Касымхана. Пошелкивал и свистел “Транзистор” в юрте. Теперь мир вместе с первым космонавтом Юрием Гагариным узнал и великого поэта, юного – сына казахской степи, смело и быстро отозвавшегося на событие века, – п о э т а Сулейменова Олжаса. Поэма его - “Земля поклонись человеку”, стала таким же Олимпом как звездный – для русского космонавта. Известным стал миру и степной Байконур.

Слова поэта звали Человечество на новые, научные подвиги. И каждая мысль его, отточенная до звездного блеска, освещала и умножала славу Великой казахской степи. В стартовом пламени новых кораблей, уходящих в космические дали, горели ее закаты и восходы. Поэма Олжаса, как “Слова назидания” великого Абая, прозвучали на весь мир с эфирного Олимпа и стали столь же, звездными, как сам поэт.

– Но почему земля только должна поклоняться человеку, сегодня ему должны поклониться все звезды, весь Космос. Ведь он наш Человек тот, что поднялся с просторов, освещенной самим Аллахом, с нашей степи.

Говорил себе старый Касымхан: «С нашей степи и прямо к звездам, полетел великий батыр Гагарин, и с ним родился наш великий поэт Олжас». И тогда взял домбру старый чабан, и запел на всю степь о том, как два батыра земли Советской, степи Казахской, – Юрий и Олжас стали звездными братьями и сказали они, чтобы земля покорила человеку, но человеку Доброму и Сильному. Пел он о двух батырах, породнившихся на века на земле Казахстанской, на просторах Великой азиатской степи!

